

В деревенских правилах Ланьтан действительно имелся такой пункт. Более того, у семьи деревенского старосты хранилась родовая летопись деревни, передававшаяся из поколения в поколение, и все эти установления были в ней записаны.

В других окрестных деревнях существовали похожие правила, однако по-настоящему приводили их в исполнение лишь самые строго управляемые общины. В конце концов, в каждой деревне все так или иначе были связаны между собой: кто-то приходился кому-то дальним родственником, кто-то виделся с кем-то каждый день. Утопить человека в качестве наказания — мера слишком жестокая, на такое решались единицы. Обычно всё ограничивалось жестоким избиением, денежным возмещением или, в крайнем случае, изгнанием из деревни.

К счастью, с тех пор как Чжао Юдан занял пост старосты, ничего подобного не случилось. Случай с Шэнь Чжигао стал первым.

У Гуйсян вспомнила о деревенских правилах лишь потому, что была до крайности взбешена старухой Шэнь. Раз та захотела говорить о справедливости, что ж, пусть увидит, что такое настоящая справедливость. Если уж следовать деревенским правилам, то всё, что бы ни произошло, будет полностью оправдано, и ни у кого не останется поводов для жалоб.

Увидев, что У Гуйсян и впрямь пришла в ярость, члены семьи Шэнь, которые до этого молчали и прятались за спинами людей, пока старая госпожа Шэнь устраивала скандал, вдруг словно из ниоткуда вынырнули вперёд.

Шэнь Чжигао протиснулся сквозь толпу, схватил старую госпожу Шэнь и попытался утащить её прочь.

«Мама, что ты здесь делаешь? Дома ведь даже еда ещё не готова, отец уже совсем изнервничался!»

Он вёл себя так, будто понятия не имел о случившемся, словно просто пришёл забрать мать к ужину. Не обращая внимания на её сопротивление, он силой поднял её, а затем, повернувшись к Чжао Юдану, натянуто улыбнулся: «Это всё недоразумение, одно сплошное недоразумение. Мы и не знали, что мать сюда пришла! Отец дома в ярости! Больше такого не повторится».

В тот момент Шэнь Чжигао был до смерти напуган. Одновременно его переполняло раздражение на старуху Шэнь: одно дело — устраивать разборки с Мяо Ши и Шэнь Цином, но зачем, чёрт возьми, нужно было оскорблять ещё и У Гуйсян? Неужели она думала, что с У Гуйсян можно безнаказанно связываться?

Теперь, когда У Гуйсян уцепилась за деревенские правила, последствия могли оказаться крайне тяжёлыми. Про утопление или изгнание и говорить не приходилось — даже простое избиение было тем, чего Шэнь Чжигао отчаянно хотел избежать.

Ненависть к старой госпоже Шэнь в его сердце лишь усилилась.

Чжао Юдан холодно фыркнул, явно не собираясь так легко спускать им всё с рук. Старуха Шэнь оскорбила его жену, а потом ещё и осмелилась поучать его самого — она что, решила высмеять его перед всей деревней?

Он не был из тех мужчин, которые отмахиваются от обид своих жён, считая, будто заступаться

за женщину — ниже их достоинства. Оскорбить его жену значило оскорбить его самого.

И если бы после того, как его достоинство так откровенно растоптали, он всё же встал на сторону Шэнь Чжигао, кем бы он тогда выглядел? Полным идиотом.

«В последнее время в деревне как раз делают лапшу из бататного крахмала. Пойдёшь в мастерскую и будешь молоть десять дней — и даже не думай отлынивать! С этого дня ни одному человеку из семьи Шэнь не разрешено появляться в доме Мяо Ши и гера Цина. Если хоть кого-нибудь из вас снова поймаю за тем, что вы их донимаете, сначала получите сорок ударов доской по деревенским правилам, а уж только потом будем разговаривать!»

Шэнь Чжигао хотелось разрыдаться, но в этот момент он не осмелился сказать ни слова и мог лишь покорно согласиться. Зато жители деревни были вне себя от радости. Зимой каждая семья делала лапшу из бататного крахмала, и особенно вкусной она получалась, если тушить её с капустой или солёными овощами!

Первым этапом приготовления крахмальной лапши было мытьё батата и его перетираание в кашницу. Это был тяжёлый, изнурительный труд. В деревне стояла большая общинная каменная мельница. В обычные дни семьи по очереди мололи на ней зерно или бататы, получая крахмал. Для этого даже построили отдельный дом и огородили двор, устроив небольшой цех, где можно было молоть, процеживать и сушить крахмал.

Теперь Чжао Юдан приговорил Шэнь Чжигао к десяти дням работы у жерновов — молоть крахмал для всей деревни.

Когда за тебя работает кто-то другой, это куда лучше, чем надрываться самому! Даже те, кто в этом году уже сделал себе лапшу, с сожалением зацокали языками и начали подумывать о том, чтобы приготовить ещё — упускать такую бесплатную рабочую силу было бы настоящей глупостью! Все наперебой хвалили Чжао Юдана: «Староста и справедливо поступил, и милосердие проявил. Если бы Шэнь Чжигао и той вдове простили бы это, разве не стали бы все в деревне брать с них пример? Во что бы тогда превратилась наша деревня?!»

«Я в последнее время даже к родственникам в другие деревни не решаюсь ездить — стыдно! Один человек опозорил деревню, а тень легла на всех нас!»

«Это ещё что! Мой сын как раз собирался свататься. Мы уже договорились с гером из деревни Сяхэ, но как только этот скандал всплыл, их семья сразу отказалась! Говорят, у нас в деревне нравы испорчены и гера будут обижать. Вот так история! Теперь, раз староста наказал Шэнь Чжигао, нужно скорее попросить сваху разнести слух, пусть знают, что наша деревня не беззаконная!»

«Ладно, ладно, расходитесь! Идите домой, мойте бататы, чтобы к завтрашнему утру быть готовыми к работе в мастерской. И присматривайте за Шэнь Чжигао, если будет отлынивать, сразу приходите ко мне!»

Глядя, как Шэнь Чжигао, волоча за собой всё ещё возмущающуюся старуху Шэнь, уходит прочь, У Гуйсян повернулась к Мяо Ши и взяла её под руку: «Что собираешься делать? Продолжишь торговать мясом или сделаешь перерыв и решишь всё завтра?»

Хотя желающие купить мясо ещё оставались, увидев, насколько измотанной и заплаканной выглядела Мяо Ши, люди отнеслись с пониманием.

«Иди домой, отдохни! Мы придём завтра утром. Погода холодная, мясо за ночь отлично

сохранится, может, даже прихватится морозцем!»

Раз уж покупатели сами так сказали, Мяо Ши кивнула в знак согласия. Но стоило им упомянуть про мясо, как она вдруг что-то вспомнила и в тревоге хлопнула себя по бедру: «Ой, беда! У меня же на плите тушится свинина с снежной зеленью, уже пар виден!»

<http://bllate.org/book/14994/1347474>